

Глава 15. Нежная девчушка-картошка

Подписание контракта прошло на удивление гладко.

С тех пор как Фэй Цзиншо очутился в этом безумном будущем, пролетел почти месяц. И пусть по сути своей он всё ещё оставался нищим неудачником, бывшая глупость и дремучее неведение в элементарных вещах мало-помалу сходили на нет. Возьмём, к примеру, этот самый договор. Никакой бумажной волокиты, никаких подписей и мокрых печатей, без которых в его прошлой жизни ни одна бумажка не имела силы. В этом веке всё решалось парой касаний: приложили пальцы к панели оптического компьютера — и система зафиксировала соглашение. Федерация гарантирует соблюдение обязательств, и нарушить их теперь никто не посмеет.

Когда формальности были улажены, и Фэй Цзиншо, и Цянь Лу заметно приободрились. Цзиншо для виду поводит над картофелем детектором-щупом, проверяя класс и жизнеспособность клубней, после чего попросил хозяина предоставить ему тихий, уединённый уголок, где никто не будет мешать работе. Старина Цянь немного помялся, но всё же кивнул и удалился.

Общение с растениями, способность расспросить их самих о том, где болит и что тревожит, — в этом и заключался главный козырь Фэй Цзиншо. Собственно, это была его единственная зацепка.

Но всё же он находился на чужой территории. И даже зная, что посторонний человек с помощью приборов ни за что не уловит безмолвный диалог человека и картофеля, Цзиншо не мог отделаться от лёгкой тревоги.

Впрочем, нищета — отличный учитель. Она способна довести до отчаяния, но она же дарует и безрассудную смелость.

Стоило Цзиншо вспомнить, что уже завтра он может остаться без единого гроша и без крошки во рту, как все сомнения улетучились. Он внимательно огляделся по сторонам, стиснул зубы и уселся прямо на землю, посреди густых картофельных грядок.

Наземные побеги картофеля были не слишком высокими, но когда Цзиншо уселся, скрестив ноги, ботва укрыла его почти целиком — снаружи осталась торчать только голова.

По правде говоря, своей обрётённой суперсилой он пользовался без году неделю и толком ничего в ней не смыслил. Фэй Цзиншо до сих пор не понимал, почему среди всей охапки грибной капусты заговорить с ним смог только Сяо Цин. Зато из долгих бесед с Зеленушкой он уяснил одну важную вещь: у каждой культуры, судя по всему, лишь одно-единственное растение способно слышать человеческую речь и отвечать на неё. Так что теперь выбор был не за ним — оставалось лишь ждать, откликнется ли кто-нибудь из этого картофельного воинства.

Цзиншо сосредоточился, вздохнул, напустив на себя вид меланхоличного мыслителя...

Прошла минута.

Две.

Пять.

Ноги затекли, да и корчить из себя утончённого поэта ему изрядно надоело. Цзиншо скривился, повёл затёкшим плечом и уже собирался было подняться, решив повторить попытку позже, как вдруг у самого уха раздался робкий голосок:

«Это ты?»

Голосок был девичьим — тоненьким, детским и до того нежным, что сердце невольно сжималось. То ли от смущения, то ли от слабости девочка говорила совсем тихо, едва слышно. Не будь вокруг этой звенящей, глубокой тишины, Цзиншо наверняка пропустил бы её слова мимо ушей.

Голос! Нежный детский голосок!

Цзиншо мгновенно подобрался, прогоняя сонливость, и повернул голову на звук.

Там, у самого края грядки, в мягких сумерках слабо трепетал желтоватый листок. Движение было столь мимолётным и неуловимым, что его легко можно было принять за случайное дуновение ветра или обман зрения.

Что ж, его таинственный дар не подвёл.

Стараясь не выдать бушевавшего в груди волнения, чтобы ненароком не напугать кроху, Цзиншо заговорил самым мягким и ласковым шёпотом, на какой был способен:

— Да, это я. Я друг вашего хозяина. Скажи, вам чего-то не хватает? Чем я могу помочь?

Если Сяо Цин поначалу держался с напускным достоинством, а освоившись, превратился в жуткого пустомелю, то эта картофельная девчушка оказалась на редкость пугливой. Цзиншо терпеливо ждал, и вот наконец веточка снова едва заметно качнулась, а тонкий голосок зазвучал ещё тише, почти угасая:

«Мне... им... очень плохо. Грустно. Всё болит».

Плохо? Всё болит?

Что ж, начало положено, контакт есть.

Сердце Цзиншо забилося чаще, в груди потеплело от азарта и сочувствия.

— Всё болит? — тихонько переспросил он. — А что именно стряслось? Где болит, расскажи мне? Я обязательно помогу вам, обещаю.

«Наши корни... они гниют. Это так больно. Мы совсем не можем пить соки земли, мы очень голодны. И нам страшно. Нам кажется, что мы скоро умрём».

Этот нежный девичий голосок становился всё тише, в нём сквозило глубокое, бессильное изнеможение и едва скрываемый, чисто детский ужас перед неизбежным концом.

Люди привыкли есть овощи, когда голодны — так заведено испокон веков. Сталкиваясь с болезнями и смертью, человек испытывает целую бурю чувств, но никто никогда не задумывался, чувствуют ли что-то те, кого подают к столу.

Фэй Цзиншо не был излишне сентиментальным — с его-то пустыми карманами не до нежностей. Но сейчас, вслушиваясь в этот тихий лепет, он невольно представил себе прелестную девчушку лет шести, которая сжалась в комочек, бледная от страха, и дрожащим голосом шепчет слова безысходного отчаяния.

«Нам кажется, что мы скоро умрём».

Эти простые слова без промаха ударили по самому больному, заставив сжаться его сердце.

И пускай его невероятный дар порой казался сомнительным приобретением, а условия контракта ещё не были до конца продуманы, Цзиншо понимал: услышав этот плач, он бросился бы на помощь даже бесплатно, просто по глупости своей и доброте.

«Я звала так долго, но никто не приходил. Ты услышал меня... Пожалуйста, спаси нас».

В этом слабом, угасающем шёпоте было столько отчаянной мольбы, что в следующее мгновение вся картофельная грядка перед ним зашевелилась, словно по ней прошёл невидимый вздох.

Шорох... шуршание...

В ушах звенел лишь один девичий голосок, но Цзиншо явственно ощутил, как сотни, тысячи мысленных голосов слились в единый, сокрушительный хор: «Ты поможешь нам? Правда? Помоги!» «Мы не хотим умирать!» «Мы хотим жить!»

На ферме Старины Цяня рос только картофель. Огромные поля были разбиты на секторы, и в одном только этом секторе насчитывалось не меньше семисот-восемисот кустов. Когда эти сотни растений разом затрепетали, раскачиваясь из стороны в сторону, зрелище вышло настолько величественным и жутковатым, что у Цзиншо перехватило дыхание. Он почувствовал всю мощь их слепой, яростной жажды жизни.

Цзиншо был глубоко потрясён, и это чувство тут же сменилось твёрдой решимостью.

— Конечно, я помогу, — твёрдо произнёс он. — Что мне нужно сделать?

«Я не вижу, что именно губит наши корни. Но я знаю: если эта штука перестанет вредить, мы справимся. Пусть наши корешки почти оборваны, мы вырастим новые. Мы укрепим, снова станем пить соки земли и не погибнем. Тебе нужно только найти эту штуку».

Какая-то штука? Вредит? Найти её?

Очевидно, эта картофелина не отличалась тем лукавым умом, которым природа наделила Сяо Цин. Она рассказала всё, что знала сама. Как ни пытался Цзиншо расспросить её поподробнее, заходя то с одной стороны, то с другой, девушка лишь без конца повторяла одни и те же бесхитростные слова.

Незаметно шло время. Солнце скрылось за горизонтом, и на потемневшем небосводе зажглась мягкая, серебристая луна.

— Пик. Ваш ужин доставлен. Приятного аппетита.

Перед Цзиншо бесшумно выкатился круглый робот высотой около метра. Отчеканив положенное приветствие безжизненным металлическим голосом, он протянул манипулятор, на котором лежала капсула с питательным раствором.

Цзиншо без лишних церемоний принял капсулу и осушил её одним глотком.

Вкус у этой жижи по-прежнему отсутствовал напрочь, но когда желудок наполнился привычной сытостью, Цзиншо мысленно похвалил себя за предусмотрительность. Какое же счастье, что он настоял на пункте о трёхразовом питании за счёт нанимателя!

И пускай дела продвигались даже лучше, чем он смел надеяться, Фэй Цзиншо понимал: лечение этих бедолаг затянется надолго.

Для начала придётся выяснить, что за неведомая тварь подтачивает картофельные корни.

«Да уж, — вздохнул мысленно Фэй Цзиншо, — денежки даются нелегко».

<http://bllate.org/book/18999/1944102>